

РОН ПОЛБОРН

И НТЕРПРЕТАЦИЯ

16+

Рон Полборн

Интерпретация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54768738

SelfPub; 2020

Аннотация

Приучив себя к вере в поставляемую информацию, субъект когда-то обязательно встретится с жесткой реальностью и окажется, что это была всего лишь чья-то точка зрения. И тогда, у «разбитого корыта» приходится искать новые ответы на «старые вопросы», причем искать самостоятельно, подсознательно осознавая возможность ошибок и неверных выводов. Так субъект создает свой мир смыслов весьма далеких от действительности, мир, построенный на основе своих и чужих контекстов и интерпретаций.

Содержание

Кадры и власть	6
Часть 1. Что?	16
1. Толкование или интерпретация?	17
2. Для себя и для других	21
3. Информация	29
4. Определенность	35
5. Соответствие	48
6. За счет чего	55
7. Смысл	60
8. Против вакуума неопределенности	67
9. Идентификация одиночества	75
10. Временная уместность	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Если я познаю время только из ситуаций, то буду понимать лишь то, что заключено в заданных кем-то границах.

П.Сэлфинг

действие, как правило, совершается немного не там и немного не в то время, да и само это действие может быть совершенно или частично не таким, каким оно должно быть для этого места и времени.

А.Родин

Книга первая

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

возможности соответствия

Мы так хотим верить. И верим... Себе и другим, книгам и статьям, рассказам и обещаниям... Не осознавая, что вера – просто экономия, когда верить проще, чем искать истину, проще, чем думать, опровергать и доказывать. Поверил и... можно жить дальше, уверяя себя в том, что истина уже обретаена и на нее можно положиться. Это потом возникают сомнения, неуверенности, колебания. Но вначале именно вера кажется самым выгодным вложением.

Ну и пусть так и будет. Вот только когда-то чья-то точка зрения предлагается всем в качестве абсолютной истиной и от субъекта требуется существовать в этой «истине». И тогда ему остается либо соглашаться, либо бежать туда, где этого

нет, либо бороться за свою истину.

Кадры и власть

(предисловие)

Кадры решают все.

И. Сталин

Наблюдая либо кадровую чехарду в органах власти, либо почти мистическое постоянство одних и тех же лиц, поневоле задаешься вопросами о том почему, как и за что вчерашние, нынешние и завтрашние исполнители власти получили право управлять всеми остальными, отдавать приказы и выносить решения. Ссылки на демократию и волеизъявление народа становятся все более неубедительными, по форме и явной попыткой уйти от персональной ответственности, по содержанию. Все большая часть пассивных наблюдателей убеждается в том, что те, кто олицетворяет власть на самом деле реализуют две отведенные им функции: всего лишь ретранслируют, озвучивают чью-то волю и, одновременно, воплощают собственные представления-мечты о том, как надо жить. Другая, большая часть социума остается в наивной вере об обязанности исполнителей власти воплощать интересы всего социума, и в то, что они действительно прилагают все возможное для такого воплощения.

Несмотря на отдельные и ситуативные проявления частью

социума своего недовольства происходящим, кажется, что большинство «правильно понимает» правила игры, видимо считая, что, исполнители власти, позволяя себе заботиться о своих интересах, оставляют всем остальным право... «свободно» выражать какую-то «свою» позицию, участвуя в демократических выборах этих исполнителей власти. И это, по мнению исполнителей власти, становится главным доказательством и демонстрацией уважения прав и свобод индивидуальности. В свою очередь, большинство пассивных наблюдателей своими главными критериями оценки существующей социальной ситуации считало, считает и будет считать: определенность, стабильность и безопасность. Все остальное является для них лишь производным от этих критериев, и ими можно поступиться в случае реальной или мнимой угрозы нарушения определенности, стабильности и безопасности.

При этом исполнители власти с успехом используют иллюзию «социального лифта», с помощью которого каждый гражданин социума может добиться самого высокого положения в системе исполнительной власти и никаких ограничений для этого не существует. Эта иллюзия получает свое воплощение в различных программах «подготовки кадров», главной идеей которых провозглашается – подбор и подготовка будущих исполнителей власти способных управлять и принимать решения. Подобная формулировка цели настолько очевидно позитивна, что не может вызывать никакой

критики и считается действительно значимой задачей всего социума, если только не расшифровывать, какими должны быть будущие исполнители власти и смогут ли нынешние руководители достичь поставленной цели во благо социуму или же они ограничатся подготовкой «достойной смены».

Можно сколь угодно долго и столь же бесплодно обсуждать эти вопросы и прийти к одному непреложному выводу – исполнительная власть в лучшем случае сможет подготовить только тех, кто ей подобен. И главным критерием такой системы подготовки будет – без конфликтная замена одних исполнителей другими. Исполнитель власти не может готовить своего «могильщика», он готовит своего сменщика.

Если система подготовки кадров разработана и воплощается самим исполнителями власти, то она, в лучшем случае, готовит специалистов «сегодняшнего дня», способных только воспринимать происходящее и реагировать на это происходящее на основании уже существующих и «проверенных» стереотипов.

И это определяется не только и даже не столько мотивацией исполнителя власти, который, после пусть и весьма короткого срока пребывания во власти, уже не может исполнять никакие иные функции кроме исполнения власти. И не его волей и даже не убеждениями. А тем, что он, почти на уровне автоматизма, рассматривает всех окружающих с позиции конкурентной борьбы и пытается предотвратить появления для себя любых соперников.

Впрочем, эти субъективные факторы, при всей их значимости, не являются решающими при подготовке кадров. Таким фактором, определяющим последствия любой системы подготовки кадров созданной самой исполнительной властью, является тот набор контекстов и технологий информации, который становится методологией мышления будущих управленцев. Сформировать что-то иное исполнители власти не могут по двум основным причинам, они не имеют никакой иной методологии и, если бы и имели, не стали бы ее передавать своим потенциальным «могильщикам». Власть не может себе позволить революционно изменение в управлении социумом и потому должна регулировать смену кадров во властных структурах. Эту функцию исполнители власти присвоили себе и искренне верят в это свое право. Иначе никак.

Действительно, эффективная система подготовки кадров для исполнения функций управления необходима социуму. Однако ее создание возможно при соблюдении двух неизменных условий. Такая система должна формироваться и реализовываться вне исполнительной власти, которая не должна ее контролировать, регулировать и озадачивать. Основой действий такой системы могут служить только объективные тенденции эволюции социума, закономерности обеспечения его самосохранения и функционирования. Вторым условием выступает принципиально иная технология подготовки кадров, которая основывается на свободе каждого гражданина

социума, отобранного для его подготовки в качестве потенциального исполнителя власти.

Свобода в данном случае понимается как обеспечение для каждого кандидата возможности выбора алгоритмов интерпретации информации или самостоятельной разработки собственных алгоритмов для вероятных контекстов изменения социума. Обеспечение подобной свободы возможно только при отсутствии влияния исполнителей власти, гарантированного участием элиты социума.

Однако понимание подготовки кадров только в контексте ротации исполнителей власти является искусственно суженым и не включает в себя подготовки главного звена – кадров-будущих граждан социума. Обычно за такую подготовку принято считать начальное и среднешкольное обучение. Подобное лишь отчасти является истинным, но весьма ущербным пониманием, т.к. заранее предполагает существенное ограничение участия будущих граждан социума в его функционировании. При этом основную часть социальных функций передается исполнителям власти, что обуславливает автоматическое социальное неравенство как в правах, так и обязанностях большинства и меньшинства социума.

Формирование при такой системе подготовки кадров неизбежное социальное неравенство, вовсе не обусловлено реальной необходимостью и неизбежностью при эволюции социума. Оно связано со стремлением исполнителей власти к постоянному расширению своих прав и обязанностей

по управлению социумом и закладывается в любую систему подготовки кадров, если она разрабатывается исполнителями власти.

Возможность устранения запрограммированного неравенства связана с изменением системы подготовки большинства в качестве граждан социума. Основу такого изменения составляет переход от навязывания каждому будущему гражданину социума разработанных и удобных исполнителям власти алгоритмов интерпретации информации, к предложению ему вероятных социальных контекстов, с которыми почти наверняка придется встречаться каждому. Анализ этих контекстов и сценариев вероятного реагирования на них и должно посвящаться основная масса обучающих программ при подготовке кадров. Только в этом случае социум может создать единую систему подготовки граждан социума с дифференциацией по социальным функциям, но без существенного и принципиально антагонистического различия в правах и обязанностях.

24 апреля 2020

не удивляйся, ..., что мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, ..., не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь

люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего.

Платон

Вопрос: «*Что происходит?*», еще не стал третьим, после «*Что делать?*» и «*Кто виноват?*», «любимым» вопросом русской либеральной интеллигенции. Возможно из-за недосмотра этой малой социальной группы, возможно из-за особенностей ее субкультуры, но скорее всего по причине ее извечной близорукости, свойственного прекраснодушия, всегда направленного на постоянный поиск бревна в собственном глазу и восторженной констатации соринки в глазах англо-саксонского отношения к миру. И все же куда более вероятной причиной является вполне закономерное стремление исполнителей власти любой ценой «снять» этот вопрос. Иначе на него как-то придется отвечать, и существует вполне обоснованное подозрение – ответ будет, как минимум, неудобным. Но не только для них. И не только своим содержанием. Ответ на подобный вопрос требует – каждый должен определиться с самим собой, что не только потребует значительных усилий, но и сулит непредсказуемые последствия. И кому это может понравиться?!

То, что на Земле называют цивилизацией, выросло из... спора. Спора за выживание, с выяснением кто прав, кто виноват, следует действовать так или иначе, с выяснением позиций, интересов, необходимостей и т.п. Иногда такой спор

превращался в борьбу, схватку, но всегда заканчивающуюся установлением соответствия между возможностями и необходимостями. И то, что кто-то оказывался побежденным, а подчас и уничтоженным, на самом деле не имеет особого значения. Отказаться от борьбы за существование невозможно и все вынуждены включаться в нее. Меняются только формы, средства и методы, иногда правила, но никогда цель – выжить.

И вот уже вопрос «*быть или не быть?*» «становится» банальным и нет нигде никакого противостояния, а есть «всеобщее стремление» к толерантности. А некая интеллектуальная элита пытается не замечать единое для всех пространство ведущейся и нарастающей войны «всех против всех». Войны, которая отличается от всех предшествующих войн. Это не война с привычными средствами массового поражения и не война торговая, и не информационная, к которой кажется все уже давно привыкли и в которой, с той или иной степенью увлеченности, участвует почти каждый. Это и не новомодная «гибридная война», цели, средства, методы и формы которой еще не окончательно определены. Это война контекстов и интерпретаций. Это война информации против человека. В которой человек является и автором, и субъектом, и объектом.

Подобное утверждение кто-то отнесет к очередным выводам из некой конспирологической теории. И это было бы верно, если бы ... удалось определить заказчика, того, в

чьих интересах она ведется. Однако такого выгодополучателя просто нет, т.е. ни в тактическом, ни в стратегическом плане война контекстов и интерпретаций в принципе не принесет кому-либо какую-либо выгоду. Эта война есть форма существования стабильности, «статус кво», что всегда завершается крахом социума, идеологии, экономики, морали и человека.

Существенно упрощая, войну контекстов и интерпретаций можно определить как стремление найти новые оправдания того, что оправдать в принципе нельзя, объяснить то, что в принципе объяснить невозможно, понять то, что находится за пределами человеческого проникновения в действительность. И если бы причинами такой войны было бы всего лишь стремление человека к познанию, к пониманию самого себя в мире, который ему дан как пространство существования, то усилия по ее продолжению и даже эскалации были бы хотя бы частично обоснованы. Однако все подобные стремления всего лишь декларации и камуфляж войны исполнителей власти и порождающих их элит за сохранения себя во власти.

Такая война возможно будет последней и станет тем самым «концом истории», когда исчезает сама возможность существования человека в его нынешнем виде. И если это так, то весьма забавно рассмотреть, что же это за война, как она проявляется, и каковы будут ее последствия.

существуют два хода, через которые мнения достигают души, ... – это рассудок и желание. ... естественный -... через рассудок, поскольку необходимо только соглашаться с доказанными истинами; ... противоестественный, ... через желание, ...не посредством доказательства, а посредством одобрения. Б.Паскаль

Часть 1. Что?

Нет фактов, есть только интерпретации.

Ф.Ницше

1. Толкование или интерпретация?

Истина ничем не обязана людям, не зависит от них, но определяет их судьбы. Она равнодушна и безразлична, не обладает качествами зла, добра, справедливости и достоинства. Она позволяет себя познавать, «зная» о недостижимости этого, и «использовать» себя, соблазняя человека мыслью о том, что он может управлять своим существованием... Бедняга.

П.Сэлфинг

Когда меня не спрашивают – я знаю, когда же спросят, оказывается, что я не знаю.

К.Ясперс

Если предположить существование того, что называют *интерпретацией*, то поневоле возникает желание определить, что же это такое? Однако реализовать это желание столь же просто, сколь и сложно. Тем более, что слово стало модным, появившись как бы из ниоткуда и столь же скоро, в соответствии с какими-то неизвестными законами, благополучно перестанет быть интересным. Так, когда-то, модным стало слово «идентификация», которое вполне себе к месту употреблялось и ранее, правда при обсуждении весьма специфических вопросов. «Появилось» и слово «толерант-

ность», которое в русском языке носило оттенок терпимости, отсылая к своеобразным увеселительным заведениям. «Возникают» и другие слова, которые, пройдя период увлечения ими, возвращаются на свое привычное место.

Но модное слово отличается именно тем, что оно большинством скорее ощущается, чем понимается, при этом становясь знаком принадлежности к... Но «век его короток», и вот уже оно либо забывается, столь же внезапно, либо вместо него возвращается вполне понятное слово русского языка. Правда понятность русского слова уничтожает эту причастность к кругу посвященных, некую таинственность и искусственную многозначность. Зато возвращается конкретность, определенность.

Попробуем интерпретировать слово «*интерпретация*» самым простым способом. С помощью словарей. Оказывается, это – толкование, истолкование, трактовка, раскрытие смысла, содержания, объяснение, комментарий, разъяснение и т.п. При этом первая часть слова – «*интер*» – обозначает – меж, между, посреди, вместе и т.п., как некое пространство и возможное движение от чего-то к чему-то или между чем-то и чем-то. Объединив можно определить – *интерпретация* – объяснение, как посредничество между воспринимаемым и уже существующим.

Вполне себе любопытное определение, которое можно добавить, в качестве иллюстрации, производным *интерпретер* – *interpreter* (англ.) – устный переводчик, посредник в бе-

седе разноязычных людей. И еще один любопытный факт – Кембриджский словарь 2019 года выбрал «Словом года» – «upcycling» – производство новых вещей путем переработки старых.

Интерпретация связана с обработкой информации, информации, которая воспринимается субъектом. Он вынужден заниматься ею, каким-то образом включая ее в систему своих, уже относительно сложившихся, представлений. Это необходимо субъекту для восстановления соответствия, когда поступающая информация нарушает его комфортное существование определенности, превращая что-то новое во что-то не противоречащее ни ситуации, ни ценностям субъекта.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить, вам пренеприятное известие...

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое...

Городничий. ...Так уж, видно судьба!...

Аммос Федорович. Я думаю..., что здесь тонкая и большие политическая причина... Россия... да...хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватили! Еще умный человек!...

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того...вы не... Начальство имеет тонкие виды...

...

Почмейстер. А что думаю? Война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! Я сам тоже думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Н.Гоголь

Интерпретация есть обработка информации в попытке привести ее в соответствие, для восстановления некой определенности существования.

2. Для себя и для других

безбрежная область глупостей освобожденной субъективности.

А.Гелен

именно тогда, когда мы стремимся ко всеобщему благу, – именно тогда и заявляет о себе зло.

Ж.Бодрийяр

Любой предмет попадает в поле зрения субъекта на основании определяемой самим субъектом функциональности этого предмета. Так молоток «становится» молотком, инструментом для..., стакан для... В рамках этой функциональности субъект в первую очередь и определяет значение этого предмета для себя, в данной ситуации и в данное время, здесь и сейчас. Таков первый, предварительный результат интерпретации предмета.

Функциональная необходимость предмета определяет и его поиск, когда, например, субъекту нужно забить гвоздь и он находит молоток или не находит его. И даже если предмет не несет требуемой функциональности, например, камень, субъект способен «насытить» его этой функциональностью и потому он берет в руку камень дабы добиться поставленной цели и все же забить гвоздь. В этом плане интерпретация вы-

ступает в качестве технологии обработки информации, когда сведения о камне «помогают» определить его возможную функциональность. Конечно, при этом камень не становится молотком, но вполне заменяет его. В данном случае интерпретация не производит информацию, а именно приводит в соответствие информацию о ситуации (а. необходимость забить гвоздь и отсутствие молотка со б. знанием о возможности использования камня для достижения цели) с уже имеющимися представлениями и собственными устремлениями.

Это чья истина? У кого это она? И кто это?!

А.Родин

Практика понимания требует – необходимо четко и однозначно разделить две разновидности интерпретации. Их различие связано не с разницей в технологии обработки информации, в любом варианте интерпретация остается технологией, а в мотивации субъекта и некотором технологическом различии используемых им средств и методов. В одном варианте интерпретация направлена на понимание информации, а в другом на ее объяснение. В первом случае субъект работает с информацией для самого себя, так сказать для внутреннего потребления, в то время как во втором интерпретация направлена на других, которые ждут, требуют раскрытия информации или которым необходимо донести то, как информацию о ситуации следует понимать.

Гиппократ считал, что азиатов сделали трусливыми мягкий климат и монархическое правление, а европейцев – воинственными и активными более суровый климат и общественные свободы. Аристотель считал различия между ними естественным различием нравов. Ф.Кардини

Сам субъект вполне осознанно разделяет «понимание» и «объяснение». При этом он не осознает того, что его мотив не совпадает ни с природой и функцией информации, ни с технологией ее обработки. На различие в мотивах не отражается и то, что зачастую в процессе объяснения информации другим субъект может по-новому, заново понимать то, что пытается объяснить, что, казалось уже когда-то понял. По мнению субъекта, отличие понимания от объяснения состоит в том, что понимание информации является неким первичным самостоятельным процессом, а объяснение изложением уже понятого другим. В реальности, понимание, как результат интерпретации, есть объяснение информации субъектом самому себе, а объяснение другим – изложение своей точки зрения, своего понимания информации или же специально разработанной социальной позиции, которая рекомендована в качестве модели отношения и поведения.

Когда спрашивают, что сказал тот или иной..., тогда следует немедленно и прежде всего задать вопрос, кто есть тот, кому он должен что-то сказать.

М.Хайдеггер

- Вне зависимости от целевой направленности интерпретации – понимание или объяснение – она всегда использует:
- уже существующие у субъекта идеи, цели, представления и т.п.,
 - информацию о происходящих изменениях обстоятельств и ситуаций,
 - накопленного опыта предыдущих интерпретаций.

Интерпретация информации, и при понимании, и при объяснении, завершается восстановлением определенности, когда все «становится» ясно, понятно. При этом субъект может заявить: *«Теперь мне все ясно!»* или *«Вот сейчас все понятно!»*. Конечно это всего лишь индивидуальная оценка субъектом своего восприятия информации, и практически невозможно определить насколько она соответствует действительности. Главное это его собственная оценка, которая позволяет ему убедительно отказаться от дальнейшей работы с информацией, т.к. *«понимать уже больше нечего»*. И субъект не осознает, что такое его «понимание» информации на самом деле зашло в тупик, который называется «определенностью», делающей дальнейшую интерпретацию уже больше не нужной. Такой результат может удовлетворять субъекта, хотя может оставлять для него те или иные так и не проясненные вопросы. Когда-то он к ним непременно вернется, вновь пытаясь найти соответствие между понятным и не понятным, определенным и требующим ответа.

При этом осуществляя интерпретацию субъект в первую очередь ориентируется на свои собственные представления и ценности, «обнаруживая» их в поступающей информации. Это вовсе не означает, что он пытается «обманывать» самого себя или имеет мотивированный умысел сознательно приспособливать информацию ради восстановления комфорта. Он уверен в своем поиске истинного и полного понимания того, что происходит.

Любопытно. Но субъект, после того, как «найденная истина» оказалась ошибкой, крайне редко признается в этом. Он просто забывает о ней или очень быстро и весьма для себя убедительно оправдывает себя, заявляя – в то время, в тех условиях, при том знании ситуации, он просто никак не мог иначе понять информацию. В этом ему помогает объективная философия утверждающая, что в условиях отсутствия возможности знать абсолютную истину, каждый вынужден допускать существование своей собственной правды, предлагая ее в качестве относительной истины, которой вполне достаточно для принятия и, главное, оправдания любого решения.

Подобное отношение к интерпретации, как технологии обработки информации, позволяет ей выполнять одну из главных своих функций – анестезирующую. Это значит, что ее результаты возвращают субъекта в некое состояние определенности, ясности «понимания» ситуации, которое было нарушено теми или иными изменениями условий существо-

вания. Это несомненное функциональное достоинство интерпретации. И оно в какой-то степени компенсирует столь же несомненный недостаток – такой анестетик действует только здесь и сейчас, устраняя не непонимание проблемы ситуации, а внушая иллюзию этого понимания в виде некоего ее толкования. Проблема остается и выводится за пределы внимания, и опять же только здесь и сейчас, на время, чтобы потом возвратиться к субъекту. Поэтому можно сказать – интерпретация не приводит к пониманию, а предлагает некий суррогат понимания информации.

Интерпретация является интимным процессом, осуществляемым самим субъектом. Существующие в технологии интерпретации общие средства и методы, для достижения эффективного результата, должны быть трансформированы под индивидуальные особенности восприятия и мышления субъекта, став его личной индивидуальной техникой преодоления неопределенности и уже поэтому могут считаться его тайной. Причем она становится такой тайной не только для окружающих, но, во многом, и для него самого.

Во многом тайна интерпретации определяется физиологией восприятия, особенностями сознания и мышления, которые закреплены генетически. Эти особенности проявляются как при интерпретации информации для себя, так и при подготовке материалов интерпретации для других. Интерпретация информации для других осуществляется специально для объяснения, обоснования и т.п. определенной

позиции, точки зрения, идеологии. Кроме того, интерпретация информации может осуществляться в целях объяснения, распространения знаний, доведение до сведения результатов исследований и т.п. Фактически это управленческие задачи, главным средством решения которых как раз и выступают результаты интерпретации информации по той или иной проблеме.

Ориентация на цель производимой интерпретации способна определять направленность, характер и содержание будущих результатов, которые обычно называют комментариями. Они предназначены для слушателя, собеседника, для некоего возможного потребителя и представляют собой максимально четкое и доступное для восприятия этим потребителем изложение некоего воздействующего материала. Чаще всего комментарий является исполнением заказа, предназначенного для преподавания, воспитания, разъяснения задачи и т.п. Почти всегда комментарий используется в политической и идеологической деятельности с целью донести до слушателя точку зрения автора комментария или заказчика, убедить его в истинности этой точки зрения и, в конечном итоге, для влияния на его поведение, превращения в своего союзника, единомышленника. Внешне комментарий часто придается вид публичного размышления, иногда диалога с виртуальным оппонентом, что делает его более убедительным и демократичным. В этом смысле комментарий может быть назван «вторичной» интерпретацией, т.к. он по-

что всегда основывается на результатах уже когда-то и кем-то проведенной интерпретации предмета комментария.

То, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно, и есть, вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле.

Платон

Интерпретации для себя (понимание) связана с иллюзией понимания того, что происходит. Интерпретация для других (объяснение) связана с формированием иллюзии понимания у всех остальных.

3. Информация

Исследование ... неразоблаченного должно вести ко все более глубокому непониманию сокрытого.

П.Слотердаjk

Никто, даже самому себе, не признается в том, что занимается интерпретацией. Каждый предпочитает считать это поиском истины.

П.Сэлфинг

Информация извлекается субъектом из реальности. Вот только это странная реальность. Она не есть действительность, а есть то, что находится не в действительности, а в сознании субъекта. Это то, чего нет, а то, что представляется субъекту, что является результатом его восприятия действительности. Восприятие, по сути, представляет собой предварительный отбор, когда из всего потока воспринимаемого, субъект почему-то отбирает то, что обращает на себя его внимание. Этот отбор не осознан, не управляем и носит психо-физиологический характер.

Результат этого восприятия – информация и становится предметом интерпретации, которая является технологией ее обработки. Основной задачей этой технологии является приведение в соответствие этой информации с представления-

ми, знаниями, убеждениями субъекта, что позволит восстановить определенность, комфорт существования. Только после этого задача может считаться решенной, и обработка информации заканчивается.

Интерпретация – *«направленный акт познания, иллюстрирующий определенный кодекс, определенные правила...»*
С.Сонтаг

Одним из механизмов интерпретации информации является ее редукция, которая имеет своей целью исключение той части информации, которая кажется субъекту не нужной, не соответствующей его представлениям, убеждениям или противоречащая им.

Редукция может быть начальным этапом обработки информации, но чаще всего используется вплоть до окончания интерпретации. Она осуществляется автоматически без предварительного планирования и программирования. Результатом становится набор сведений отражающих действительность, характеризующих как действительность, так и субъекта.

Человек – это то, что может подчинить себя идеальному
М.Хайдеггер

Результатом редукции выступает отобранная информа-

ция уже содержащая добавочный смысл, который определяется самой технологией интерпретации. Субъект «не видит» или не хочет видеть какую-то часть информации, то, что не соответствует его идеологии или которую он никак не может понять. Результаты редукции поступают в матрицы интерпретации для дальнейшей обработки. На этом этапе происходит еще большее насыщение информации добавленным смыслом, т.к. матрица представляет собой доминирующую позицию субъекта, его отношение к информации. Проходя через матрицу субъекта, информация становится его собственностью, включенной в уже существующую у него картину мира.

Новая информация ... Для субъекта это всегда то, что он не знал, что никогда не видел. И не важно, что эта новая информация нова только для него и он вынужден что-то с ней делать, как-то с ней сосуществовать. Она для него нова и потому, что ее необходимо каким-то образом соотносить с тем, что он уже знает и стало для него привычным, определенным и потому «понятным», несмотря на то, что эта понятность на самом деле всего лишь очевидность, а ее истинность определяется степенью достаточной верности – достоверности. Субъекту кажется, что подобная информация направлена на возрастание «безграничной бессмысленности» (М.Хайдеггер) его существования, требуя использовать для ее обработки именно технологию интерпрета-

ции. Она позволяет получить такую «новую» информацию, которая всего лишь подновляет все то, что уже сформировано и управляет субъектом и позволяет игнорировать все то, что противоречит или не соответствующее этому «старому» знанию.

Действительной новой может быть названа та информация, которая требует от субъекта отказа от руководства той иной, старой информацией, превратившейся в убеждения, представления, нормой поведения и деятельности. Новая информация вовсе не обязательно противоречит всему предыдущему, но всегда требует замены этого предыдущего. Появление новой информации означает начало формирования некой иной системы представлений и убеждений (идеологии), претендующей на объявление себя подлинной действительностью. Новая информация не может стать предметом интерпретации, т.к. не подчиняется такой технологии. Она становится предметом познания.

Однако, не вся информация может быть отброшена субъектом. Субъект вынужден принимать факты, учитывать и встраивать их в систему своих представлений. Как бы субъект не относился к фактам действительности он действует в соответствии с информацией фактов и ... должен интерпретировать уже свои собственные представления и ценности. Он пытается «примирить» себя с этим фактами, находя какие-нибудь соответствия. Зачастую быстро такого соответствия он не находит, сомневаясь, как в истинности фактов,

так и собственных представлений.

Однако долго находится в состоянии неопределенности субъект не может. Ему надо выбрать между фактом или своими представлениями. Он ищет примирения, пусть оно и будет вынужденным. Для этого он подбирает какие-то аргументы, которые кажутся ему вполне убедительными и доказательными. И пусть это всего лишь результаты интерпретации, но они «работают».

1. Полковник – майору

Как вы знаете завтра произойдет солнечное затмение, а это бывает не каждый день. Соберите личный состав завтра в 5 часов утра на плацу в походной одежде. Они смогут наблюдать это явление, а я дам необходимые объяснения. Если будет идти дождь, то наблюдать будет нечего, так что оставьте людей в казарме.

2. Майор – капитану.

По приказу полковника завтра утром в 5 часов произойдет солнечное затмение. Полковник на плацу даст необходимые объяснения, а это бывает не каждый день. Если будет идти дождь наблюдать будет нечего, но тогда явление состоится в казарме.

3. Капитан – лейтенанту.

По приказу полковника завтра утром в 5 часов затмение на плацу людей в походной одежде. Полковник даст необходимые объяснения в казарме на счет этого редкого явления, если будет идти дождь, а это бывает не каждый день.

4. Лейтенант – солдату.

Завтра в 5 часов полковник произведет солнечное затмение в походной одежде на плацу. Если будет дождливо, то это редкое явление состоится в казарме, а это бывает не каждый день.

5. Солдат – солдату.

Завтра в самую рань в 5 часов солнце на плацу произведет затмение полковника в казарме. Если будет дождливо, то это редкое явление состоится в походной одежде, а это бывает не каждый день.

А.Моль

Информация является предметом интерпретации. После интерпретации она встраивается в уже существующую систему представлений субъекта. Такая информация обладает добавленными смыслами, что делает ее собственностью субъекта, продуктом ее преобразования.

4. Определенность

Это только кажется, что, отрицая, человек освобождается от отрицаемого. Отрицаемое делает человека рабом этого отрицаемого.

П.Сэлфинг

Помимо всех остальных, субъект обладает еще двумя «сладкими» иллюзиями. Одна – *интерпретируя, он понимает*. Другая – *понимая, он создает определенность*.

Иллюзорность этих иллюзий в том, что они обманывают своей очевидностью – результаты интерпретации кажутся совершенно понятными, ситуация определяется, ясно, что и как следует делать. Интерпретация в принципе не ведет к пониманию, но приводит к определенности. Такая определенность настолько убедительна, что ее оказывается вполне достаточной. И уже не важно, что в значительной своей части эта определенность не учитывает значительную часть информации, которая была проигнорирована в процессе интерпретации.

Результаты интерпретации представляют индивидуальную точку зрения субъекта, в той или иной мере соответствующую действительности. Именно так следует относиться к уверенности субъекта в том, что его работа с информацией с помощью интерпретации и есть познание происходящего.

Это простодушное и весьма наивное понимание субъектом своих устремлений и действий, скорее относящееся к демонстрации себя другим и самому себе, в попытке ... оправдать собственное бессилие перед ситуацией и социумом, которым он не в силах противостоять.

Впрочем, не стоит говорить субъекту об этом. Подобные иллюзии единственное, что есть у субъекта, что позволяет ему, хотя бы отчасти, компенсировать неопределенности своего существования, его незащищенность и, по большому счету, неадекватность действительности. Человек, как форма существования, не должен был выжить и то, что он все еще существует можно отнести к некоему чуду или мощному покровительству каких-то сил. Однако вопреки реальности он продолжает существовать вдали от каких-либо смыслов, пребывая в мире чистой событийности. И в формировании такой реальности участвует интерпретация, которая устраняет любую многозначность или двусмысленность, в результате чего восстанавливается определенность, идентичность представлений субъекта и информации о ситуации. Правда такая идентичность весьма нестабильна, в том числе потому, что такая определенность всегда гиперреальна, и потому уязвима для новой информации. В этом плане интерпретация для субъекта есть мощное средство самосохранения, что возможно только при сохранении способности принимать решения и действовать по воплощению этих решений. Неопределенность блокирует принятие решений и тем более

действий, препятствует построению системы защиты от изменений ситуации.

Стремлению субъекта к максимальной определенности во всем не противоречит и то, что в действительности он во все не хочет знать о той определенности, которая называется реальностью, о том, что его неизбежно ожидает. Так субъект знает об определенности своей будущей смерти. Это знание не подлежит, не подвластно никакой интерпретации. Да, можно пытаться что-то придумывать, фантазировать и т.п., в попытке убежать от этой определенности. Но это все «пустое» и отбрасывается, наталкиваясь на неизбежность и абсолютность.

Действительная определенность – реальность – не поддается интерпретации из-за ее неизбежности. Она может быть либо принята к исполнению, как условие существования, либо «отброшена», как несуществующая. Определенность неизбежности не останавливает субъекта, хотя и *«выбрасывает его в необходимость изменения» (М.Хайдеггер)*, которую пытается и будет пытаться устранить ее, в том числе и с помощью элементарного игнорирования. И в этом также проявляются возможности интерпретации, с помощью которой субъект пытается если не устранить эту неизбежность, то ее как бы отсрочить или подменить какими-то «убедительными» аргументами. Максимум, что он себе позволяет – иногда вспоминать о неизбежности, в этот момент осознавая не универсальность интерпретации.

Определенность постоянно обманывает. Своей определенностью.

П.Сэлфинг

Соблазн определенности основан на очевидности. Очевидность для субъекта – это очень просто, то, что оценивается им как *не вызывающее никакого сомнения, как очевидное*. При этом субъект уверен в том, что его оценка соответствует объективной реальности, отражает ее. И главным доказательством этого является ... эта оценка есть его позиция, а он не может ошибаться. В результате у субъекта получается – *определенность всегда очевидна, а очевидность – определена*. Это соотношение очевидности и определенности не доказывает истинности и определенности, и очевидности, что не мешает ему выступать основой интерпретации, делая эту технологию обработки информации столь привлекательной и, как представляется субъекту, весьма эффективной. Любопытно, что это отношение к истинности интерпретации появилось почти параллельно с появлением интерпретации. Кардинал Ришелье говорил о том, что пяти любых предложений в письме любого человека вполне достаточно для того, чтобы обвинить его в государственной измене.

Иллюзорность любой определенности постоянно подтверждается при очередной смене одной определенности (иногда противоположной) другой. И тогда оказывается, что

субъекту не столь важна истинность этой определенности, сколько сама определенность, когда все понятно, ясно. Впрочем, любая очередная определенность достаточно быстро «подтверждается» очевидностью этой новой определенности. В большинстве случаев такой очевидности оказывается вполне достаточно для доказательства ее истинности. А когда новая определенность замещает предшествующую, прошлая очевидность не становится обманом, а замещается другой очевидностью и столь же «истинной». И тогда *«то, что есть перестает быть тем, что оно есть и начинает быть тем, что оно не есть.»* М.Хайдеггер

Смена одной определенности на другую, одной оценки ситуации на другую происходит в результате интерпретации поступившей информации. Субъект при этом сам бывает удивлен столь значительными изменениями в своих оценках, пытаясь найти в этих метаморфозах признаки собственного внутреннего развития. И, конечно, он вполне удачно их находит, в то время, как в действительности всякая его новая определенность является всего лишь возвратом к самому себе, в собственное «Я».

Субъект любит и ценит самого себя и все то в себе, что, как ему кажется, принадлежит ему. Он борется и будет бороться за сохранение всего этого в некой целостности, определенной, вполне комфортной и, как кажется, эффективно функционирующей совокупности. И помогает ему в этом технология обработки информации – интерпретации,

которая обеспечивает при минимальных трудозатратах возврат нарушенной определенности существования в состоянии комфорта и благополучия. Интерпретация не обещает истины, но гарантирует определенность.

Впрочем, у каждого есть шанс уловить истину поступающей информации и, приняв ее, по-иному распорядится своим существованием. Этот шанс очень кратковременен трудно уловим. Он возникает на границе между прежней и будущей определенностями, когда накопленные представления, знания, убеждения и т.п. не могут объяснить поступающую информацию, а новых представлений еще нет. И надо решать, что делать с этой новой информацией.

Субъект, вполне бессознательно, стремится к бесконечной определенности, которую обещает интерпретация. Определенность позволяет субъекту принимать решения и действовать, тем более что результаты интерпретации убеждают в своей истинности. Вот только эта истинность на самом деле есть «правильность», а уверенность увеличивает вероятность ошибки. Мало того, результаты интерпретации не решают той проблемы, которая содержится в поступающей информации. Она так и остается непонятой и когда-то обязательно вновь проявит себя.

Поступающая к субъекту информация интерпретируется им, постепенно утрачивая свою значимость и актуальность. В конечном итоге, она «забывается», как бы полностью исчезает из-под его внимания. Однако, интерпретация в принци-

пе она не может дать полную и окончательную уверенность в истинности достигнутых результатов. Кроме того, интерпретация не способна исчерпать всю поступающую информацию, значительную ее часть отбрасывая. Эта невостребованная информация «напоминает» о себе, требуя приведения ее в соответствие с уже сформированными представлениями.

Субъект вновь и вновь обращается к интерпретации с ее помощью устраняя остающиеся несоответствия и неопределенности.

Аристотель был известен тем, что знал все. Он учил, что мозг служит только для охлаждения крови и никак не связан с процессом мышления. У некоторых так оно и есть.

Уилл Канни

Обработка информации с помощью интерпретации заканчивается не с получением устраивающих субъекта результатов. Ему кажется, что с восстановлением определенности, когда заканчиваются тревожащие его вопросы, необходимость интерпретации сама себя исчерпывает. Вот только эта определенность оказывается ложной. «Забыть» новую информацию и, следовательно, о необходимости ее интерпретировать субъект сможет только после того, как она станет неотъемлемой его собственностью. И первым шагом такого присвоения является редукция информации, когда субъект

ект отбрасывает, «не замечает» в информации то, что, как ему кажется, ему не нужно. Затем процесс интерпретации информации продолжается в направлении поиска ее соответствия самому себе. Только такое соответствие позволит субъекту присвоить информацию, что для него равносильно ее пониманию.

Конечно, субъект никогда не ставит себе целью «присвоение» информации. Более того, если ему сказать об этом, он будет категорически отрицать и сам подобный замысел, и какие-то действия по его осуществлению. Это противоречит его отношению к проводимому анализу информации, который он зачастую называет «познанием». Он не сомневается в этом и верит, что способен достичь истины в этом познании.

Необходимость для субъекта присвоения информации связана и с тем, что результатом этого является обретение и формирование своего «Я». Этот процесс связан не только с присвоением информации, но и с разделением на «свое» и «чужое», на то, что у него есть его и что есть не его. Для субъекта это «не его» и есть «не Я», при том, что оно в нем и оно им присвоено, но так и не стало им. Только то, что его и есть он сам, подлинный он. Так думает субъект, уверенный в этой своей истине.

Изменение ситуации предлагает субъекту информацию о себе, тем самым открывает ему шанс раскрыть подлинное, свое «Я», возможность переосмысления, интерпретации своего «Я». Но даже если субъект и примет этот шанс к

исполнению, такое переосмысление никогда и ничем не завершается. Все, что может достичь субъект – это относительно эффективно адаптироваться к ситуации, что не приводит к сущностным изменениям субъекта.

Интерпретация всего лишь одна из возможных технологий обработки информации. Каждый использует эту технологию в соответствии со своими целями и возможностями. Эти возможности даны субъекту в виде потенциальных задатков, изначально и не по его воле, а, так сказать, «от природы». Смысл этого дара – воплощение предназначения субъекта. Это воплощение «Я» может быть представлено только в виде преобразования, когда качества этого «Я» переходят в новое, иное преобразованное качество, направленное на постоянное возрастание богатства разнообразия мира. И если это так, то субъект обязан считать воплощение своего «Я», через его преобразование, своим естественным долгом и смыслом существования. Причем субъекту вовсе необязательно осознавать это в столь конкретных формулировках.

Воплощению этого смысла существования одновременно и препятствует, и помогает использование интерпретации информации. Результаты интерпретации позволяют субъекту наполнять конкретным содержанием смысл существования, изменять это содержание или препятствовать такому изменению. Важно и то, что интерпретация информации определяет для субъекта возможность постоянной корректировки им смысла своего существования, либо укрепляя,

оправдывая его обоснование, либо разрушая и требуя нового содержания.

Рождаясь со своей собственной, исключительной программой предназначения, субъект обременен ею, ищет смысл своего существования. Он мается, не обнаружив его, впрочем, страдает, пусть и как-то иначе, найдя свое предназначение. Все это связано с тем, что программа предназначения открывается и запускается только в совокупной, своеобразной комбинации внешних условий, которые, как бы стыкуются с этой программой и активизируют ее, после чего субъект уже не властен над ней и оказывается перед необходимостью ее реализовывать. Что, впрочем, не гарантирует ему так называемое счастье существования.

В отличие от познания, как еще одной технологии обработки информации, ее интерпретация подчиняется тому, что субъект сформулировал в качестве смысла своего существования, вне зависимости от истинности этих формулировок и предлагает свои результаты в соответствии с этими формулировками. То, что субъект считает смыслом, главным, в своем существовании превращается им в основное содержание матриц интерпретации, которое постоянно корректируется в зависимости от результатов интерпретации. Именно такая взаимосвязь и взаимообусловленность содержания матриц интерпретации и ее результатов наиболее ярко проявляется в самоанализе субъекта, в его вопрошание самого себя, типа «кто Я?», «зачем Я?» и т.п., о чем он,

конечно, даже не догадывается. Этим взаимодействием объясняется и то, что обычно подобное вопрошание заканчивается вместе с переходным возрастом, и возникает все реже и реже и то лишь под воздействием какие-то ситуаций. Это связано с тем, что значимость и жесткость формулировок «найденного» смысла существования становится абсолютно доминирующей. Этот смысл существования «требует» от интерпретации только одного – постоянного подтверждения истинности этого смысла, доказательств его полного соответствия условиям существования.

Что приготовим, то нас и «имеет».

П.Сэлфинг

Обращаясь к самому себе субъект не ждет истины, хотя и никогда не признается в этом. Он ждет правды, которая бы удовлетворяла его, т.е. подтверждения того, что он уже о себе знает и того, что он хотел бы о себе знать. Такую правду как раз и способна предложить интерпретация информации о самом себе. Только такая правда будет соответствовать поставленной цели по укреплению очевидной определенности, того комфортного состояния, в котором легко принимать и реализовывать решения, пусть они не и не соответствуют смыслу предназначения, но зато почти полностью удовлетворяют желания субъекта.

Только принципиальные изменения условий могут вынудить

дить субъекта пересмотреть содержание своих матриц интерпретации и возвратиться к переосмыслению смысла собственного существования. Такое случается крайне редко и зачастую одной из причин подобного революционного изменения ситуации могут выступать как раз матрицы интерпретации, ставшие, так сказать, устаревшими и принципиально не соответствующими принципиально иным условиям. Такие матрицы фактически блокируют саму возможность не только преобразования субъекта, но и его адаптации к новым ситуациям.

Направленность интерпретации на очевидную определенность, на понятность, четкость, ясность своего существования несовместима с теми результатами, которыми завершается познание. Поэтому субъект всегда стоит перед выбором, не важно осознает он это или нет, между интерпретацией и познанием. Неопределенность результатов познания – это риск, страх, постоянное ожидание непредсказуемых последствий. Да и возможность решать бытовые проблемы существования через преобразование самого себя вовсе не очевидна. И каждый выбирает для себя свой путь. Либо определенность через интерпретацию и как-бы решение проблемы, либо возможность решения проблемы через неопределенность.

Интерпретация участвует в преобразении субъекта существенно снижая ее возможности. Она не способна, по определению, поставлять для этого нужную информацию,

будучи направленной на восстановление определенности при ориентации субъекта на ситуацию здесь и сейчас.

5. Соответствие

В момент принятия решения весь мир (...) распадается надвое.

Д.Гриббны

Странно, но удовольствие мы получаем всего лишь от восстановленного соответствия. Все достаточно просто – желание удовлетворено, получено искомое, цель достигнута. И вот уже состояние возвратилось в прежнее соответствие самому себе. Соответствие себя, своим представлениям о себе, соответствие своих возможностей и собственных желаний, соответствие социального, служебного положения и тех способностей, которыми как кажется обладаем и т.п. Иногда достижение такого соответствия кто-то называет счастьем, кто-то душевным покоем, кто-то гармонией или еще как-то.

В любом случае соответствие – это некая *определенность, обеспечивающая, пусть и временный, комфорт существования, когда уже не нужно решать проблемы, к чему-то стремиться, а хочется сохранять и поддерживать то, что существует здесь и сейчас.* И вновь попробуем интерпретировать само это слово «соответствие» – соотношение между чем-нибудь, согласованность, равенство в чем-нибудь, соразмерность и т.п.

И опять же в качестве любопытной иллюстрации зна-

чение английских эквивалентов «accordance, compliance, conformity, conformance» – конформизм, подчинение, согласование, гармонизация, договор. Стоит оговорить и особое употребление термина «соответствие» в качестве принципа любой новой научной теории, которая должна включать старую теорию и ее результаты как частный случай.

Достигнутое соответствие всегда воспринимается как гарантия эффективного функционирования системы, которая стремится к покою или прямолинейному и равномерному движению. Достигнутое соответствие – это всегда восстановленное соответствие, результат целенаправленных усилий, которые субъект вынужден прикладывать для нейтрализации происшедших в ситуации изменений, нарушивших бывшее до этого соответствие. Проявляется это соответствие в виде восстановленной стабильности, которая столь желанна субъекту.

В этот момент субъект не думает о том, что эта стабильность и есть соответствие, гармония и она всего лишь кратковременна, иллюзорна. Причем наиболее просто восстановить подобное соответствие можно с помощью ... интерпретации информации. Результаты которой привели к отказу от тех ценностей, которые были и которые перестали «работать» и принять новые, признав их в качестве истины. Только таким образом обретается новое соответствие, умиротворение и определенность существования, которое пытается считать незыблемым и неизменным. И ... ошибается.

Длительность достигнутого соответствия определяется многими факторами, однако можно гарантировать – оно когда-то обязательно будет разрушено. Подобное повторяется, и всякий раз субъект вынужден обращаться к интерпретации или как к эффективному средству «понимания», или, хотя бы, для объяснения того, что же происходит. Просто потому, что никто не может долго пребывать в состоянии неопределенности. Субъекту нужны умиротворение и гармония, которые могут стать результатом восстановленного соответствия.

И если это так, то надо признать – взгляды, ценности, установки и т.п. субъекта всего лишь результаты интерпретации информации, а так называемая истинность этих результатов есть вынужденное признание их таковыми, без объективного обоснования такого признания. Только такое «понимание» позволяет субъекту руководствоваться результатами интерпретации для принятия решений и их реализации.

Диапазон соответствия.

Любопытно, но результаты интерпретации почти никогда не оцениваются в их соответствии с истиной. Такое отношение к интерпретации обосновывается тем, что результат интерпретации – это выражение личной точки зрения, позиции субъекта и т.п., на что провозглашается право каждого в любом, так называемом, свободном обществе. Впрочем, социум готов подтверждать это право субъекта на интерпретацию и на собственную точку до тех пор, пока она соответствует

только его собственному отношению к предмету интерпретации. Правда, социум, провозглашая подобное право, тут же ограничивает его применение, если эта *«личная точка зрения»* входит в противоречие с господствующей идеологией и социум уже предлагает субъекту руководствоваться положением, когда *«не должно сметь свое суждение иметь»*. (А.Грибоедов)

Для предотвращения конфликта с субъектом социум прибегает к ...интерпретации. Он разрабатывает собственную позицию по основным проблемам обеспечения безопасности своего существования, так называемая *«социальная позиция»*, которую предлагает каждому считать общепринятой точкой зрения. Собственно говоря, социуму ничего иного и не остается. Невозможно предложить каждому готовый вариант того, как надо *«понимать»* и как следует относиться к той или иной проблеме. Зато оставляет за каждым право принимать эту социальную позицию, как свою собственную, вкладывая в нее часть своего собственного отношения. Возможно, социум ориентируется на особенность субъекта, выраженную в *«обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад»*. (А.Пушкин)

В действительности социум, конечно же, стремится лишить субъекта возможности как-то менять *«общепринятую точку зрения»*, предлагая следовать ей. Для реализации этого стремления социум действует по двум параллельным направлениям. Первое. Социум в своих действиях в макси-

мальной степени пытается реализовать принцип «не позволяйте никому себя интерпретировать». Для этого он разрабатывает так называемую идеальную идеологическую систему, ценности которой обладают абсолютным значением. Это, например, добро, зло, справедливость, верность и т.п. Они носят столь же абсолютный, сколь и абстрактный характер, когда они каждому кажутся совершенно понятными, а с другой стороны обладают способностью самого широкого применения.

Второе. Социум оставляет субъекту право определить свое отношение к таким ценностям. За субъектом закрепляется право публично высказывать это отношение, при этом, в своем поведении, оставаясь в рамках их исполнения. А в том случае, когда субъект в своих интерпретациях выходит далеко за пределы предлагаемого понимания социальных ценностей, социум также оказывается готовым и предлагает варианты их изменения. Однако эти варианты остаются в некоем диапазоне возможного соответствия самосохранению социума, что, в действительности, означает самосохранение исполнителей власти.

Соответствие результатов интерпретации истине беспокоит только субъекта, автора этих результатов. Удивительно то, что субъект даже не ждет 100% соответствия и не очень обеспокоен его приближения к 0. В каждом индивидуальном случае это соответствие будет определяться тем, как и с помощью чего субъект проводил интерпретацию и какова сте-

пень его объективности при обработке поступающей к нему информации.

При всей значимости этих факторов, куда более значимым является степень неопределенности ситуации и оценка ее значимости. Субъект не может длительное время пребывать в состоянии неопределенности, что сказывается на самооценке и отношениях с социумом. Нужно как можно быстрее определиться и потому субъект спешит, ориентируясь на, как кажется, самый простой и надежный способ определения истинности результатов интерпретации. Это обращение к практике, которое «забывает» о том, что опыт ограничен реальностью тех ситуаций, в которых он был приобретен и присущим им особенностям. Эти особенности конкретных условий в принципе не повторимы, точно также как неповторим и набор возможностей, предоставляемых этими условиями. Использовать опыт любой предшествующей ситуации можно, и то весьма ограниченно, только в качестве аналогии, которая требует существенной адаптации к новой информации. Да и интерпретация по аналогии весьма ущербна с точки зрения соответствия действительности.

Однако субъект готов жертвовать истинностью результатов интерпретации информации ради скорости восстановления определенности его положения через определение соответствия этой информации представлениям субъекта. При этом неопределенность ситуации, всегда болезненно переживаемая, нейтрализуется. При этом устанавливаемое соот-

ветствие схоже с контрактом, с договоренностью с самим собой, когда приходится идти на компромиссы ради определенности существования, когда субъекту становится все ясно, все понятно.

И уже оказывается, что субъект оказывается зависимым от своей способности к интерпретации, от неопределенности ситуации и не может уйти от этой зависимости, прервать ее и установить «новые отношения» со своей реальностью, которая совершенна безразлична к нему и его судьбе.

Если бы все в мире происходило разумно, ничего не происходило бы вовсе.

Ф.Достоевский

6. За счет чего

И каждый, в клетке самого себя, почти уверен в собственной свободе.

У.Оден

Банальное – *за все надо платить* – в полной мере относится и к интерпретации, как технологии обработки информации. И субъект платит, платит не только за себя, когда использует интерпретацию, но и за социум, который максимально поощряет его к такому использованию.

Субъекта нельзя упрекнуть в использовании интерпретации информации. Каждый обладает своими индивидуальными особенностями восприятия, которые, с одной стороны, не позволяют «увидеть» какую-то часть информации, а с другой стороны, еще какая-то часть поступающей информации уже в процессе восприятия подвержена трансформации. В результате неизбежное «отсечение» информации, которая и не включена в процесс интерпретации и, следовательно, не учитывается при принятии решений и их реализации.

Таким образом, уже в самом начале интерпретации за ее использование субъекту приходится «заплатить» объемом поступающей информации. Однако и в дальнейшем на каждом этапе обработки информации субъект утрачивает реальные возможности получить достаточно достоверные резуль-

таты. Это связано с тем, что интерпретация основана на использовании субъективных оценочных категорий, которые, по определению, не позволяют добиться объективных результатов, отражающих действительные условия существования.

Субъект всегда обладает, как он считает, полным основанием заявить о правоте собственных результатов интерпретации информации. Его заявление – «я так вижу», по его убеждению, позволяет ему утверждать истинность этих результатов. Вместо того, чтобы признать объективную субъективность восприятия информации и тем самым отказаться от присвоения ей некой, почти абсолютной, истинности, субъект готов отстаивать такую «истинность», тем самым практически «выпадая» из возможности делать некие соответствующие действительности выводы. Более того, социум вполне поощряет такую позицию субъекта, утверждая, что тем самым он демонстрирует свое уважение индивидуальности субъекта, как некой особой ценности. И социум не смущают последствия такой своей позиции, которая, как социум, конечно, знает, может приводить субъекта к неверным решениям.

Именно интерпретации субъект доверяет функцию защиты этой, своей, уже сложившейся, индивидуальности. Он не хочет ничего менять, да и не способен сделать это немедленно и быстро. У него не готовы реакции на поступающие новости и нужно некоторое время для определения собствен-

ной позиции по отношению к происходящим изменениям. И потому он отсекает информацию, с которой в условиях тотального дефицита времени и сил не может «справиться». Однако отбрасывание информации не удаляет ее из памяти полностью. Она какой-то своей частью остается с субъектом, пусть и на периферии его внимания. Сразу после того, как будет восстановлена определенность, он будет готов вернуться к этой отставленной информации и начать работу с ней.

Интерпретация, как технология обработки информации, собственно говоря, возможна только при наличии у субъекта способности к компромиссу. Необходимость компромисса возникает в ситуации, когда субъект не может игнорировать некую информацию, которая, однако, прямо противоречит его устоявшимся представлениям. В такой ситуации он скорее приступит к интерпретации этих своих представлений, пытаясь найти в них то, что можно изменить, то, что можно отбросить, то, что можно совместить с новой информацией. Обычно он объясняет это «требованиями момента», говоря «такова жизнь», что указывает на приоритетность для него информации о ситуации перед своими приоритетными установками. Он не может действовать как-то иначе, т.к. как-то изменить ситуацию «здесь и сейчас» он не может, а может сделать что-то «с собой». Субъект это и делает, пытаясь найти новое соответствие между иной ситуацией и своими представлениями. Однако это не означает какое-то преда-

тельство самого себя. Просто его представления демонстрируют достаточную гибкость и способность приспосабливаться, сохраняя возможность через какое-то время вновь восстановить свою значимость и содержание.

Помимо этого, субъект для достижения компромисса прибегает к привлечению совсем иной информации, которой у него нет и которую еще следует отыскать. Он привлекает любую информацию, вне зависимости от того, насколько она соответствует природе и содержанию существующей проблемы, вплоть до ее, так сказать, «создания». Он уверен в том, что это не только возможно, но и вполне эффективно, т.к. достигает главную цель – восстанавливается определенность, этот суррогат действительности.

Впрочем, не стоит спешить с обвинениями субъекта в трусости, стремлении найти наиболее легкие пути и уйти от ответственности за принимаемые решения. Интерпретация «включается» автоматически, как подлинная необходимость, сразу при поступлении новой информации требование. Это «включение» является своеобразной попыткой освободиться от зависимости, связанной с формирующейся неопределенностью. Субъект растерян, не знает, что следует делать, как реагировать на изменения ситуации. Несмотря на то, что информация продолжает поступать, ее все равно еще недостаточно и неясно, где и как ее можно получить. А та, что поступает противоречива, нестабильна, аморфна и, порой, состоит из неконтролируемых переменных в зна-

чительной своей части несовместимых. Субъекту с большим трудом удастся и, чаще всего весьма искусственно, использовать причинно-следственные связи для ее толкования.

Для того, чтобы договориться с самим собой о той самой определенности, которая скорее относится к неизвестному, чем к известному, субъект вынужден присваивать результатам своих интерпретаций статус истины, без какой-либо проверки этого статуса. Субъект рискует и совершает ошибки. Он надеется на то, что любая конкретная жизненная ситуация одновременно и богаче, и беднее той информации, которая поступает к субъекту. И он принимает результаты своих интерпретаций, принимает на их основании решения и действует руководствуясь принципом – *«Ничего. Один раз живем. И если нельзя, но хочется, то можно.»*

Интерпретация субъекта осуществляется за счет –

- целенаправленного отбора информации,*
- ее максимального упрощения,*
- привлечения информации не относящейся к предмету интерпретации,*
- ориентирования на информацию с максимальной очевидностью,*
- присваивания результатам интерпретации статус истины,*

что делает ее результаты абсолютно субъективными и потому способными стать основой принятия решений.

7. Смысл

Я могу беспрестанно стремиться понять мое время исходя из ситуаций, если знаю, как, посредством чего и в каких границах я знаю.

К.Ясперс

Любая попытка интерпретации подразумевает наличие в предмете некоего смысла.

П.Сэлфинг

Чтобы обмануть субъекта, надо его соблазнить. Зачем? Как ни странно, но почти каждый считает себя весьма практичным, рациональным и во всем ищущим какую-то выгоду. Именно в этом человек видит разумность, интеллект, хитроумие и т.п. несмотря на то, что все они всего лишь очередные иллюзии. Если убрать самомнение и самолюбование, то окажется, что субъект всего лишь «прореха на природе», тот, кто ничего ей не дает, а лишь паразитирует и уничтожает все ему данное. Возможно это и есть его функция. Может быть поэтому его и следует обмануть, заставив думать как-то иначе?!

Возможно, каждый, на каком-то отрезке своей жизни, задает себе вопрос о смысле своего существования. Иногда, этот вопрос есть результат некой ситуации, вызвавший необ-

ходимость ответа, но чаще всего он возникает как вполне закономерный этап эволюции субъекта. Столь же закономерен и найденный ответ, который мало что дает субъекту по смыслу, но всегда оставляет его удовлетворенным уже тем, что вопрос больше никогда не возникает вновь, а сам субъект уверен в полноте и истинности найденного ответа.

Каждый пытается найти смысл своего бытия... Не очень понимая, что такое смысл, наполняя это слово неким аморфным содержанием. Кажется, что смысл это что-то главное, самое важное в жизни, то, чему можно посвятить всего себя и потому оправдывающее существование и т.п. Если субъект, так или примерно так, относится к смыслу бытия, то понятно почему он иногда сомневается относительно содержания собственной жизни и задает себе вопросы о том, как и зачем он живет, пытаясь найти оправдания, в виде замыслов, целей своих действий и бездействий.

В этом контексте становится понятно, что поиск субъектом смысла своего существования есть его стремление устранить неопределенность этого существования. В этот период субъекта беспокоит, как он считает, бессмысленность существования, непонимания им своих целей и задач, что превращает такое существование каким-то хаотическим движением в никуда. И он «борется» с такой неопределенностью, прибегая к самому простому решению – интерпретации информации о жизни, своем опыте и опыте других.

Как ни странно, но интерпретация своего опыта для субъекта

екта мало информативно. Это, отчасти, связано с необходимостью видеть свои недостатки, сделанные ошибки, упрекать себя в некомпетентности и т.п. Такая интерпретация может просто «захлебнуться» в самоанализе, не принеся необходимой определенности. Даже бескомпромиссное признание своих ошибок не приводит к восстановлению соответствия с самим собой и более того способно сделать любое истолкование бесконечным поиском аргументов «за и против».

Совсем другое дело интерпретация опыта других. В данном случае субъект чувствует себя свободным в сравнении самых различных примеров, интерпретации их с любых позиций, (по типу – «а почему бы и нет?»), привлечении аргументов, которые не требуют их обоснования и т.п. на фоне такого толкования свое существование способно быстро «обрести» не столько смысл, сколько некоторую осмысленность, чего бывает вполне достаточно. И тогда субъекту становится понятна все бесценность интерпретации, как технологии обработки информации.

Только интерпретация, своей доказательной безразмерностью, способна позволить субъекту достаточно быстро и с минимальными затратами установить смысл своего существования. Причем, и это важно, сделать его так, чтобы он, этот смысл, служил «вечно», т.е. постоянно и навсегда оправдывал существование. Такой смысл гарантирует – больше к вопросу о смысле существования субъект никогда

не возвратится и только чрезвычайные обстоятельства могут, и то не на долго, поколебать его уверенность в самом себе.

Интерпретация обеспечивает субъекту возможность... обманывать самого себя и всех остальных в своем господстве над интерпретацией воспринимаемого, делая от восприятия через интерпретацию всего лишь один шаг до «понимания» смысла своего бытия. И он этот шаг делает, почти сразу удовлетворяясь полученным результатом, почти не сомневаясь в истинности достигнутого.

При этом принципиально значимо – социум не может договориться с субъектом о правилах интерпретации, «работает» принцип – «to agree cannot be!» – «договориться нельзя». Интерпретация информации всегда индивидуальна. Она индивидуальна и с точки зрения отличия от интерпретации информации всеми остальными и с точки зрения предмета интерпретации, когда субъекта в зависимости от «места и времени» интерпретации всякий раз осуществляет ее как нечто особенное. Окружающие только удивляются непохожести субъекта на самого себя, особенно когда ситуации не особенно отличаются друг от друга, да и предмет интерпретации кажется одним и тем же.

Подобная индивидуальность интерпретации вовсе не противоречит найденным субъектом смыслам. Это во многом связано с абстрактным содержанием, вкладываемым в понимание «смысла», что позволяет применять его к интер-

претации самых различных предметов. При этом содержание такого смысла может оставаться неизменным, но точно также может измениться в процессе интерпретации.

При интерпретации происходит движение «от» к движению «к» ..., от неопределенности объективности к определенности виртуальности.

П.Сэлфинг

Большинство уверено в том, что поиск смысла есть высшая цель мышления, познания и т.п., то, что отличает человека, как мыслящее существо. И это же большинство убеждено – этот поиск есть процесс познания действительности, очевидно заблуждаясь. И то, что субъект «находит» является скорее средством обретения гармонии с самим собой. Причем содержание такого смысла не имеет особого значения. Главное для субъекта – «понимание» происходящего, что обычно связано с понятной причиной происходящего, понятным содержанием происходящего и столь же понятными и потому прогнозируемыми результатами.

Уже в самом начале этого поиска субъект пытается надевать смыслом все что угодно, не осознавая, что тем самым «найденный» «смысл» становится категорией веры, но не действительности. Правда он никогда не согласится с этим. Для большинства подобный поиск есть всего лишь бегство от бессмысленного существования, в существование осмыс-

ленное. И потому субъект готов во всем искать и находить смысл, постоянно подключая к такому поиску интерпретацию. Это искреннее стремление субъекта и почти ничто не может заставить субъекта отказаться от этого поиска, и он ... его всегда «находит».

в случае с людьми душа, увы, приобретает форму тела.
Ж.Кокто

Неукротимое стремление к поиску смысла происходящего объясняется необходимостью оправдания существования. Оказывается, что субъекту «*жить просто так*» довольно трудно. Он пытается жить ради чего-то, зачем-то. Иначе... жизнь оказывается бессмысленной. Хотя она приобретает мало смысла, если этот смысл «открывается» субъекту с помощью интерпретации информации. Вот только ничто кроме интерпретации не может помочь ему в этом «открытии». Это только кажется, что познание может предложить истинный смысл существования. В действительности смысл познания в избыточных вопросах, которые «приносят» еще большую неопределенность. Если это, конечно, процесс познания. Технология интерпретации приносит другой результат – восстанавливает определенность, сообщая субъекту «смысл» его существования, убеждая его в истинности этого «смысла». Заставляет поверить в эту истинность то, что наличие «смысла» существования оправдывает это существо-

вание. Вне зависимости от содержания этого «смысла».

Смысл интерпретации, как технологии обработки информации, не познание предмета интерпретации, а восстановление определенности, соответствия с ситуацией. И эта цель практически всегда оказывается достижимой, что и делает эту технологию столь привлекательной. И если считать, что в каждой новой для субъекта информации существует некая тайна, то познание направлено на проникновение в нее, ее раскрытие, а интерпретация является средством ухода от этой тайны, признание ее отсутствия. Правда субъект никогда не признается даже самому себе в том, что интерпретация есть бегство от тайны в ясную, понятную определенность.

Интерпретация информации способна «открыть» субъекту «смысл» его существования, который никогда не соответствует действительности.

8. Против вакуума неопределенности

Самое прекрасное из всех доступных нам переживаний – переживание непостижимого...

А. Эйнштейн

Удивительный эффект интерпретации – она «борется» с пустотой неопределенности. Последствием которой бывает либо блокирование действия, либо хаотическое, беспорядочное реактивное поведение. Правда этот эффект всегда ситуативен. Он, скорее, носит анестезирующий характер, хотя бывает достаточно мощным для того, чтобы «снять» тревогу, страх, блокаду действий, вызванные нарушением определенности в восприятии действительности. Этот, его несомненный, функциональный позитив компенсируется столь же несомненным недостатком – такой «анестетик» действует только здесь и сейчас, «устраняя» не непонимание информации, а саму информацию, выводя ее за пределы внимания. И опять же. Это происходит только здесь и сейчас, на время, чтобы потом, опять, быть возвращенной в поле внимания субъекта. Интерпретация не лечит проблемы понимания, а притупляет восприятие этих проблем.

Интерпретация и сомнения

Технология интерпретации информации быстро и эффективно «справляется» практически с любыми сомнениями

ми. Чаще всего именно сомнения и становятся предметом интерпретации, когда субъект получает информацию, противоречащую определенности его существования. При этом сомнения могут возникать по широкому кругу повседневного существования субъекта от его убеждений, взглядов и отношений до уверенности в людях, социуме, правильности собственных ценностей и т.п.

Такая информация сначала вызывает удивление, череду вопросов, которые требуют ответа. Вот только эти ответы порой способны вызвать новые вопросы. Существование нарушается, определенность разрушается и возникает страх неопределенности. И вот уже кажется, что преодолеть все это невозможно, что вызывает хаотические реакции, возрастающую неопределенность и стремление как можно быстрее устранить ее.

В таком положении скорой помощью становится технология интерпретации, когда субъект и отбрасывает якобы ненужную информацию, и привлекает все свои знания, убеждения и ценности для объяснения оставшейся ее части путем поиска соответствия с ней. Эта информация должна совместится с тем, чем субъект руководствовался в своей повседневности и тем самым устранить какие-либо несоответствия. Когда-то это удается, но почти всегда некоторая несовместимость сохраняется. Но не это самое главное в сомнениях субъекту.

Если субъект не способен справиться со своими сомне-

ниями, то они становятся предметом его интерпретации. При этом такая интерпретация «работает» весьма своеобразно, парадоксально невозможно. Субъект странным образом ищет и обычно находит все новые аргументы, подтверждающие эти его сомнения. Именно так себя ведет ревнивый человек, получивший информацию о неверности своего партнера, того, кому он верил и в надежности которого был только что убежден.

Способность к интерпретации является свойством сознания, тем, что заложено, что называется, «от рождения». Субъект не осознает наличие этой способности, а лишь наблюдает за ее «раскрытием» до полномасштабной технологии. Управление развитием этой технологии связано с ее «шлифовкой», адаптацией к условиям существования.

Среди функциональных особенностей интерпретации особое место занимает способность этой технологии поддерживать существование субъекта как в его собственном, только ему принадлежащем пространстве, при этом ощущая себя индивидуальностью, личностью, так и в пространстве социума, с отведенным ему ролевым положением. Подобная двойственность положения субъекта делает его существование обреченным одиночеством. При этом интерпретация поддерживает необходимое равновесие между неустрашимым одиночеством и сохранением необходимой социальности.

Как бы субъект не интерпретировал свой социальный ста-

тус и свое одиночество, он не готов отнести их к своим ошибкам. Он может сомневаться в своих выводах, идеях, результатах толкования тех или иных ценностей и т.п., но не готов сомневаться в полученных результатах, которые считает своими ... достижениями. Такой подход следует также отнести к последствиям использования интерпретации, которая почти всегда приводит к позитивным оценкам достигнутого. Да, субъект может критиковать себя, признавать сделанные ошибки и неверные решения, но результаты своей деятельности он готов оценивать, как исключительно позитивные.

Интерпретация берет на себя полное оправдание-обоснование-объяснение любых результатов и успешно справляется с этой задачей, фактически «спасая» субъекта, т.к. в ином варианте его существование утрачивает смысл. Можно признать ошибки, т.к. есть возможность их исправить, переосмыслить свои задачи и цели и выдвинуть для будущего новые, но невозможно исправить сделанное, и негативная оценка этого сделанного означает бессмысленность прожитой жизни. Допустить такую оценку своего существования субъект не может, т.к. она не совместима с самим существованием.

Сомнения формируют неопределенность ситуации и, следовательно, блокируют составление планов действий, сценариев поведения и прогнозирования возможных последствий. Они как бы «предлагают» субъекту готовиться ко всему и требуют от него быстрого реагирования на лю-

бые неожиданности. С одной стороны, сомнения предлагают субъекту возможность, в случае верного решения, добиться результатов, которых он не сможет получить при тщательном планировании в определенной ситуации. Но, с другой стороны, сомнения вызывают страх, который почти всегда побеждает. Именно он «включает» интерпретацию, которая «удаляет» всю неопределенность ситуации возвращая субъекта в комфортное состояние с возможностью планирования и прогнозирования.

Особую роль, в преодолении субъектом его сомнений, играет социум, который принимает каждого «в свои объятия» с самого рождения и уже не выпускает, сохраняя свое доминирование. При этом социум не озабочен страхами субъекта. Социум борется за собственное стабильное существование и ему не нужен не управляемый субъект. Поэтому социум пытается поместить субъекта в понятную, прогнозируемую, стабильную ситуацию с не изменяющимися правилами поведения. Но, так как социум считает, что причинами возникновения неопределенности являются действия субъекта, главной задачей становится установление контроля за ... формированием и функционированием интерпретации каждой поступающей к нему информации. При решении этой задачи социум действует одновременно и параллельно в двух, казалось бы, противоположных, направлениях.

Первое. Социуму нужно, что бы интерпретация информации завершалась формированием страха субъекта перед гря-

душей неопределенностью. Этот страх блокирует самостоятельные действия субъекта, т.к. он не верит им и, одновременно, «толкает субъекта в объятия» социума, т.к. только социум предлагает надежные пути выхода из создавшегося положения. И не важно, что главным, а, порой, единственным, аргументом социума выступает – *«только вместе мы победим!»* Просто субъекту кажется, что у него нет другого выбора.

Второе. С помощью интерпретации социум пытается формировать и укреплять *«центры соответствия»* – это формируемые у субъекта базовые ценности, которые становятся для него основой интерпретации информации, с помощью которых результаты интерпретации признаются истинными и отсеивается все то, что не нужно социуму для управления субъектом. Эти *«центры соответствия»* убеждают субъекта в том, что он является частью социума, а потому он не одинок, он *«такой же как все»*. И субъекту вовсе не обязательно знать откуда у него появились такие *«центры соответствия»*.

Однако представлять субъекта абсолютно пассивным наблюдателем за тем, как социум борется с его сомнениями, также не стоит. Да и социум осознает, что субъект должен считать себя свободным в своем «понимании» происходящего. И в этом социум помогает субъекту. Социум действует весьма просто – он позволяет субъекту свободно выражать свои взгляды и убеждения, свои сомнения и неуверенно-

сти если они ... располагаются в некоем коридоре возможно-го. Причем рамками такого коридора являются возможные неопределенности, последствия действий субъекта для него самого. Осознание таких последствий наиболее эффективно управляет субъектом, который предпочтет не действовать, если последствия этих действий ему не ясны.

эффективное устранение возможно только при параллельном заполнении.

П.Сэлфинг

Если социуму удастся решить эту задачу, то он получает «послушного субъекта», готового участвовать в борьбе за сохранение существующего социума и при этом быть уверенным в том, что эта борьба гарантирует его собственное самосохранение через выражение индивидуальности. Социум добивается господства над субъектом не ради элементарного господства. Социум уверен в том, что его борьба за самосохранение всегда во благо каждого, что оправдывает использование любых средств и методов.

Социум знает, что интерпретация «снимает» у субъекта остроту любых сомнений от непонимания и неопределенности. Известно и то, что результаты интерпретации в любой момент готовы нанести новый удар по только что восстановленной определенности. Вот только самому субъекту вполне достаточно ощущения оправданного совершенного. Тем са-

мым субъект «уходит» в «активную оборону», используя механизмы интерпретации для «нападения» на поступающую информацию, «расчленяет» ее и отбрасывает то, что невозможно использовать, а все остальное трансформирует для укрепления технологии интерпретации.

Субъект убежден в истинности результатов своей интерпретации. Однако эта технология обработки информации оставляет нерешенные вопросы, которые когда-нибудь напомнят о себе. Они вызовут сомнения субъекта, требующие новой интерпретации. И так до бесконечности.

9. Идентификация одиночества

Настоящее есть актуальное будущее. Если в настоящем только настоящее, то оно уже прошлое. Наше прошлое меняется вместе с изменениями нашего настоящего. Одну правду можно заменить на другую правду. Вот только саму правду изменить нельзя. Но можно изменить ей.

П.Сэлфинг

Субъект находится в достаточно сложном положении. Он пытается сохранить и реализовать собственную индивидуальность, хочет занять определенное социальное положение (социальный статус) и сохранить гармоничное взаимодействие с социумом. И до тех пор, пока он не установит соответствие между этими внешне противоречивыми устремлениями, они будут противоречить друг другу, мешая добиться той или иной цели. А достижение соответствия между ними будет для него суперцелью, весьма похожей на обретение гармонии существования, что большинство охотно назовет счастьем.

Эта мера соответствия индивидуальна и достичь ее почти невозможно. И не только потому, что всякий раз, когда состояние гармонии, казалось бы, достигнуто, оно практически сразу уничтожается, причем не столько изменениями ситуации, сколько результатами ... очередной интерпрета-

ции этих изменений. Оказывается, субъект не способен долго пребывать в состоянии гармонии или, что ему более понятно, счастья. Он спешит его разрушить ради... нового счастья, еще большего, чем прежде. Или ради иного какого-то счастья, ему неизвестного, но чрезвычайно манящего и соблазняющего чудесными возможностями. Правда в результате он получает всего лишь одиночество разочарования.

И в этом нет ничего внутренне противоречивого, если учесть, что всякое осознание своего существования субъект получает прежде всего в качестве результата интерпретации. Это касается и интерпретации информации о своем положении в социуме, и информации о самом себе. Эти, два разных, процесса разделены, так сказать, и по времени, и в пространстве. Но при этом они взаимосвязаны и взаимозависимы. Нельзя сказать, что субъект целенаправленно и целеустремленно отслеживает происходящие изменения. Скорее он замечает их только тогда, когда они настойчиво указывают на себя, когда действовать привычно уже трудно и, тем более, невозможно. И тогда возникают эти вопросы: «*что происходит?, что делать?, кто виноват?*» и т.п. Субъект «включает» процесс интерпретации информации пытаясь восстановить соответствие нового и предшествующего. Вот только это соответствие буквально открывает субъекту степень его... одиночества.

При этом ни о какой объективности и речи быть не может. «Пройдя» через две интерпретации – информации о ситуа-

ции и информации о своем отношении к ней – субъект приходит к тому выводу, который он хочет и оказывается, что все эти интерпретации понадобились только для того, чтобы подтвердить уже имеющийся вывод – *«Да. Он одинок. Никому не нужен. И ему никто не нужен»*. Или иное: *«Нет. У него есть друзья. Близкие. Он не один. Он что-то значит в этом обществе.»*

Получается, что, начавшись как процесс поиска ответов на вопросы, интерпретация завершается утверждением истинности уже готовых, имеющихся ответов. Это связано с тем, что социум вовсе не заинтересован в одиночестве субъекта. Оно для социума опасно уже тем, что утрачивается контроль за тем, как субъект воспринимает, интерпретирует, оценивает и руководствуется поступающей к нему информацией. Индивидуальность субъекта в технологии обработки информации чревата для социума индивидуальностью принимаемых решений и, следовательно, поведения.

Поэтому социум предоставляет субъекту готовые модели интерпретации информации, основу которых составляют достаточно жесткие критерии, направленные на обеспечение безопасности социума. И если у субъекта нет собственных моделей интерпретации, то он с готовностью принимает то, что ему «дарит» социум, объясняя такой подарок стремлением помочь субъекту разобраться с тем, что происходит. Правда, все это никак не отражает индивидуальности субъекта, что удобно социуму, но напрягает отношение субъекта

к самому себе.

Чтобы понять неявные смыслы своего поведения, ... человек должен видеть их так, как видят их другие.

А. Мерфи

Точно также действует социум и с интерпретацией субъектом своего положения в изменяющейся ситуации. Он готовит модели интерпретации и предлагает их субъекту в надежде на то, что какая-то из моделей будет взята за основу, что позволит получить нужные социуму результаты. При этом социум ориентируется на те оценочные категории, использование которых позволит субъекту «увидеть» свою индивидуальность, то, как можно максимально удовлетворить ее и получать от этого социальное признание.

Конечно, разработать для каждого индивидуальную модель интерпретации социум не может, точно также как невозможно подготовить некую универсальную модель, которая просто не будет работать. Поэтому социум ориентируется на категории, связанные с признанием достижений субъекта. Включая их в модели интерпретации, социум стремится направить толкования субъекта по определенному руслу, которое почти наверняка приведет его к позитивным самооценкам. Такие оценки смогут блокировать выводы субъекта о его обреченном одиночестве. Социум почти всегда предлагает субъекту ориентироваться на: «кто-

то должен это делать, родился там, где пригодился, эта работа нужна всем и т.п.»

как временное существо я всегда представляю собой нечто большее, чем (являюсь – авт.) в конкретный настоящий момент.

В.Хесле

Интерпретация информации позволяет субъекту поддерживать так необходимое ему... одиночество. Это выглядит по крайней мере странно учитывая сказанное выше об использовании интерпретации для борьбы с одиночеством. Одиночества, о котором говорит субъект, на самом деле не существует. Оно всего лишь некое ощущение, социально-психологический фон, результат толкования своего положения здесь и сейчас, как внутри своего социума, так и внутри своей индивидуальности. Обычно, это ситуативное, временное ощущение субъекта, являющееся результатом стечения обстоятельств оцениваемое субъектом как негативное.

В этот момент субъект и занимается самоидентификацией, для чего он прибегает к интерпретации информации о своем положении в социуме, о том, как другие оценивают его поведение и деятельность. Подобная самоидентификация как раз и воспринимается как одиночество, из которого субъект достаточно быстро выходит, как только делится результатами интерпретации с окружающими.

Попытка субъекта поделиться своими результатами интерпретации с другими является очередной попыткой субъекта интегрироваться в социум, в группу, в сообщество. Это связано, как минимум, с двумя особенностями технологии интерпретации. Во-первых, субъект уверен в том, что интерпретация – это проявление исключительно его собственного я, его индивидуальности. Он предпочитает не замечать того, что матрицы интерпретации разработаны для него социумом и основаны на ценностях этого социума. И это субъекту вполне удастся. Во-вторых, интерпретация предлагает субъекту возможность редуцировать все то, что, так сказать, отличает его от социума, а, иногда, и делает принципиально невозможным его интеграцию в этот социум. При этом субъект вовсе этого не замечает и даже не знает об этой редукции, настолько автоматической она может быть. В результате он остается в уверенности – интеграция – это проявление исключительно его собственного я. А соответствие его личных ценностей, критериев с ценностями, критериями социума вполне закономерно.

Именно переживание сопротивления приносит необходимую внешнюю референцию.

А. Мерфи

Субъект впадает в очередную ошибку. Он непредумышленно путает результаты интерпретации и интеграцию в со-

циум, результаты интерпретации и осознание своей индивидуальности. При этом он и в том, и в другом случае ориентируется на референцию, т.е. информацию поступающая к нему о том, как он интегрируется в социум, как становится для социума главным объектом для интерпретации. Позитивные оценки убеждают его в собственной уникальности, единичности, и, конечно, свободе, независимости собственных ценностей. При этом субъект фактически гарантирован от каких-то сомнений относительно своего одиночества, против которого всегда найдутся аргументы, связанные с востребованностью, популярностью и т.п.

Каждый пытается сохранить и реализовать собственную индивидуальность и одновременно интегрироваться в социум, что требует от него «примирения» этих двух устремлений.

10. Временная уместность

Интерпретация есть радикальная стратегия сохранения старого текста – слишком ценного чтобы его выбросить, – путем перестройки.

С.Сонтаг

Субъект погружен в информационный поток и физически не может интерпретировать всю поступающую к нему информацию. И всегда возникает вопрос о том, какую информацию субъект избирает для интерпретации и почему именно эту, а не какую-то иную? Общепринято считать главными критериями отбора информации для интерпретации значимость, важность, актуальность и т.п. Однако эти критерии вторичны. Субъект всегда «сталкивается» с ситуацией, которая обладает цельной информацией, которая характеризует всю ситуацию целиком, полностью – информационной ситуацией.

Попытка понять, что происходит в ситуации, ее причины и возможные последствия субъект может только если воспримет весь объем поступающих о ней сведений. Однако это настолько сложно и трудозатратно, что большинство выбирает другой путь – прибегает к интерпретации, как технологии обработки информации. И главным критерием становится принцип «здесь и сейчас», когда из всего объема сведений

субъект отбирает только то, что важно именно здесь и сейчас. Это и признается актуальным и значимым, в то время как все остальное отбрасывается за ненадобностью. Избранный принцип «останавливает» время и поток информации, позволяя сосредоточиться на моменте истории, на ситуативности, и, как кажется, насладиться моментом существования «не испорченным» воспоминаниями и предсказаниями будущих последствий. В настоящее время именно такой подход и стал доминирующим трендом существования социума.

Изменение ситуации всегда несет для субъекта новую информацию, которая воспринимается им непосредственно, как нечто ближайшее и насущное. Кроме того, актуальность новой информации сообщает ей необходимую достоверность, а ее неразрывность с ситуацией – убедительность. Все это убеждает субъекта в том, что она и есть истина. Впрочем, она действительно есть истина, но истина для самой себя, для «здесь и сейчас».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.